

Ф.Г. Жарский

Барон

Персонаж пьесы М. Горького «На дне», тридцати трех лет. Человек без имени, в обращении к нему ночлежники используют его былой титул. Неизвестно, что бросило Барона на «дно», скорее всего, пьянство. О прежней жизни Барону приходится только вспоминать: «Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... со сливками...» Аристократическое происхождение Барона сказывается в высокомерии по отношению к окружающим (на которое, впрочем, никто не обращает внимание), в употреблении слов «дальше», «сэр», «леди», звучащих в ночлежке комически («Цыц, леди!»). По словам Бубнова, «он и теперь — нет-нет, да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще». Он строго требует у появившегося в ночлежке Луки паспорт, но, получив отпор, сконфуженно отступает: «Ну, чего там? Я ведь... шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет...» Монолог Сатина об уважении к человеку пробуждает у Барона воспоминания о прошлом. «Это... напоминает наше семейство... Старая фамилия... времен Екатерины... дворяне... вояки!., выходцы из Франции... При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль... занимал высокий пост... Богатство... сотни крепостных... лошади... повара... Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... с гербами!., десятки лакеев!» Притворное неверие Насти в славное прошлое семьи Барона приводит его в истерическое состояние. «Было, черт вас возьми!» Однако он быстро успокаивается, помня о своей зависимости от Насти, содержащей его. «Эта... Настена!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она...» Их ссоры с Настей всегда заканчиваются одинаково: «...не помиришься — на выпивку не даст...»

При всем том Барон не полностью лишен чувства человеческого достоинства. Когда Пепел от скуки предлагает ему за полбутылки стать на четвереньки и полаять собакой, Барон резонно ему отвечает: «...Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе...» Ответ Барона одобряют Бубнов с Лукой. Предложение Пепла отпало само собой. Ситуация завершается снисходительным поучением Барона: «Пора быть умнее, Василий».

Сочетание характерных для аристократа манер, словечек, остатков барского лоска с условиями грязной ночлежки часто создает комический эффект в поведении этого самого, пожалуй, нелепого человека в пьесе. Вместе с тем в конце произведения открывается трагическая сущность этого человека, не нашедшего себя в жизни и ни на что уже не надеявшегося. «Ты рассуждаешь... — говорит он Сатину, — ...это, должно быть, греет сердце... У меня нет этого... я — не умею!.. Я, брат, боюсь... иногда... трушу... Потому — что же дальше?.. Никогда и ничего не понимал я... Мне кажется, что я всю жизнь только передевался... зачем? Не помню! Учился — носил мундир дворянского института... а чему учился? Не помню... Женился — одел фрак, потом — халат... а жену взял скверную... Прожил все, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил... Служил в казенной палате... мундир, растратил казенные деньги — надели на меня арестантский халат... И все... как во сне... А... ведь зачем-нибудь я родился... а?» Это трагедия человека, не заметившего, как прошла жизнь и слишком поздно осознавшего это.